Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

Доклад тов.Луначарского на X съезде советов. Декабрь 1922г.

Д 378

15/974

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР

ДЕСЯТЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ, КРАСНОАРМЕЙСКИХ и КАЗАЧЬИХ ДЕПУТАТОВ.

(23—27 декабря 1922 года).

Стенографический отчет с приложениями.

ГИБ ОБИ ФОНД ПРОВ.1952г.

8725

Издание ВЦИК.
Москва 1923 Кремль.

Заседание третье.

(Вечернее, 24 декабря).

Буденный (председательствующий). Т.т., разрешите считать заседание X с'езда открытым. Слово для доклада имеет народный комиссар по просвещению т. Луначарский.

Луначарский. Т.т., мне приходится выступить с докладом немножко неожиданно. Предполагалось, что вы заслушаете раньше другие доклады и поэтому мы не сумели раздать некоторые материалы, которые мы имели намерение вам представить. Но они будут розданы несколько позже, вероятно, завтра.

В первый раз народный комиссариат просвещения выступает с докладом о своей деятельности и о положении вверенного ему дела народного образования перед с'ездом советов. Я, тем не менее, лишен возможности представить с'езду тот широкий доклад обо всех сторонах этого чрезвычайно многогранного дела, какой мне хотелось бы представить. Придется выделить, главным образом, материальную сторону, главным образом, выяснить вместе со с'ездом, что можно сделать, чтобы для народного образования, в самую первую очередь для школы, была создана материальная база, и вопрос этот настолько сложен и потребует от меня представить вам столько материалов и соображений, что для остального доклада о других сторонах народного просвещения, о внутренней жизни школы, главпрофобре, политпросвете, главнауке и т. д., у меня останется немного времени. Но я думаю, что наркомпрос прав, остановившись на том, чтобы на этот раз при наших разговорах были выдвинуты на первый план почти исключительно материальные вопросы, ибо я должен сказать вам, т.т., что мы лишены возможности судить о том, как обстоит дело у нас с другими вопросами — с педагогическим вопросом, с политическим вопросом, поскольку он имеет отношение к школе и т. д., мы лишены возможности об этом судить, потому что до тех пор, пока школа убога, до тех пор, пока школа голодна, думать о том, насколько правильны наши к ней теоретические подходы, нечего. Смешно было бы сейчас распространяться о том, оправдала или не оправдала себя единая трудовая школа, или другие менее важные, но все же весьма значительные идеи, которые были вложены в нашу реформу, нашу революцию в школе. Нельзя об этом говорить. Нельзя было этим идеям ни оправдать, ни скомпрометировать себя, потому что шла непрерывная борьба за самое существование школ и, может-быть, только в ближайшем будущем возможна будет проверка в массовом масштабе основной идеи, если материальная база начнет постепенно подводиться под школу. Это первое. А, во-вторых, поскольку, тем не менее, можно судить о наших моральных силах в отношении народного образования, насколько можно судить по лучшим показательным нашим школам, в Москве и Петербурге и некоторым рассеянным по разным губерниям школам, поскольку можно судить по с'ездам работников просвещения, которые дают возможность составить себе некоторое представление о настроении учителей, поскольку рядом с огромным развалом школы и вообще делом народного образования, вызванным отсутствием материальных ресурсов, поскольку рядом с этим мы наблюдаем различные благоприятные симптомы, мы в общем осмелимся сказать следующее: как раз со стороны программы нашей деятельности, со стороны духовных сил,

которые народ может, со своей стороны, выделить навстречу революционному просвещению, со стороны настроения и готовности подняться до уровня требований страны, которые мы наблюдаем в учительстве и со стороны общих принципов, все обстоит настолько благополучно — я не хочу сказать, что нет и тут больших неразрешенных проблем — что приходится повторить, что если этому дереву дать немного влаги, то оно покажет свою благородную сущность, оно может расцвести и дать плоды, а до тех пор, пока оно сохнет, нельзя сказать, какие оно плоды принесет. Нам в десять раз легче было бы справиться с теорией и практикой школьного дела, если бы мы имели то, что имеют Западно-Европейские школы, чем вот как сейчас приходится биться лбом об стену страшной нищеты, жертвой которой является дело народного образования.

В резолюции, которая роздана, в § 1 указывается, что наркомпрос и президиум ВЦИК просил бы с'езд принять, как незыблемую общую программу народного образования, включающую в себя следующее: единую трудовую школу, сеть дошкольных учреждений и детских домов, обязательное обучение, а для беднейших завтраки, обувь, одежду и учебники, затем политпросветительную работу, всякого рода агитационную работу, курсы для взрослых, ликвидацию неграмотности и, наконец, систему совпартшкол, и работу главпрофобра, включающую низшее, среднее и высшее техническое образование, разного рода внешкольные профессиональные технические курсы и т. д. Это нормальная правильная система, единственно отвечающая действительным запросам страны, в переходный период страны, идущей по направлению к коммунистическому строю. Но из этого вовсе не следует, что мы должны питать иллюзию, что все это возможно в настоящих условиях. Это наш общий план, от этого плана мы не отказываемся, мы ориентируемся по этим звездам, но не претендуем на них сразу прыгнуть; наоборот, констатируя это и переходя к истории школы, мы получаем выводы, которые заставляют нас быть более скромными, столь скромными, что приходится жертвовать некоторыми коренными чертами программы, потому что вся наша политика последнего времени изогнулась под очень сложным углом. Мы со всего НЭП делаем, нечто несоответствующее нашей прежней линии, отступаем от позиций, занятых нами наспех без соответствующей материальной базы. И в отношении школ мы имеем ту же самую картину, и как по отношению ко всей новой политике мы говорим, что отступаем от позиций, занятых ранее, для того, чтобы потом можно было проще и вернее начать подлинное строительство коммунизма,—то же самое мы можем сказать и о школе. Хотя мы совершили отступление весьма горькое, но, может-быть, лучше, что мы его совершили и сейчас находимся на очень скромных начатках и имеем такой опыт, который учит нас не делать налетов впредь под влиянием энтузиазма, зато мы будем делать вернее, хотя и медленное дело народного образования.

В первые годы после революции дело народного образования с внешней стороны очень развивалось. Данные ЦСУ, которые недавно опубликованы, дают не тот несколько неполный и бумажный материал, которым Наркомпрос в эти первые три года после революции довольствовался.

Они дают материал нашей переписи и, стало-быть, включают в себя только школы реально функционирующие, т. к. перепись производилась непосредственно по лицам и по предметам. Тут больших ошибок в этом отношении быть не может. Правда, т. Казимиров предупреждает и хорошо делает, что предупреждает, что этот численный рост школ сопровождался вместе с тем таким понижением стойкости школы, может-быть, качества школ, которое уже и тогда не позволяло никому смотреть на дело оптимистически. Но нужно познакомиться с этим фактом. Мы имеем по данным ЦСУ до 1921 г. 82.397 школ первой ступени и 6.860.000 учащихся. Если вы сравните это с прежним состоянием школы, то получится для 1894 г. 36.000 начальных школ и 1.074.000 учащихся. В 1911 г.—62.844 школы и 4.007.000 учащихся. В 1920 г.—82.327 школ и 6.860.000 учащихся.

Если мы обратимся к тому, насколько быстро шел рост школ, то получим такие цифры: с 1894 г. по 1911 г. каждый год увеличивалась школьная сеть на 1.653 школы и 139.000 учеников, а за время с 1911 до 1920 г.—на 1916 школ и на 282.000 учеников, т.-е. количество школ и вновь привлекаемых к школьному обучению детей во время революции росло значительно быстрее, чем когда бы то ни было в истории России. При сравнении в процентном отношении получится такая вещь: если 1904 г. брать за 100, то в 1911 г. мы получили цифру 172, в 1920 г.—226, 1921 г.—385, т.-е. по сравнению с 1904 г. количество учащихся у нас выросло в 4 раза и по сравнению с 1911 г. более, чем на 50%.

Самое же интересное, т.т., конечно, это то, в каком же отношении к общему количеству детей стояла школа учебного 1920 и 1921 г.? Если взять наиболее коренные возрасты, т.-е. от 8 до 11 лет, то мы получим такие цифры: по отношению ко всему населению этот детский возраст составляет 11,5%, а количество учащихся в 1920 г. равнялось 8,7%. Если взять от 8 до 12 лет, то получится, что по отношению ко всему населению этот возраст составляет 14,8, а количество учащихся—8,7%. На круг надо считать, что 75% всех детей школьного возраста в России находили себе место в школах в 1920 и 1921 г.г. Т. Казимиров прав, когда говорит о непосещаемости из-за отсутствия обуви, из-за отсутствия топлива и т. д., но количество учеников, приписанных к школам, тем не менее, равнялось вот этому значительному и никогда прежде в России небывалому проценту.

Но нужно отметить еще следующее: в городе особенно, и в деревне также, сильно возросло число учащихся девочек. Опять-таки, как никогда раньше, школа начала захватывать женскую половину детского населения.

И дошкольное дело, которое мы создали прямо-таки из ничего, перевалило за 200.000 детей, которые обучались в детских садах. Правда, общий процент детей этого возраста был только 0,3%, но абсолютно это было чрезвычайно быстрое начало этого важнейшего дела, потому что настоящая социалистическая школа никогда не станет на ноги, если она будет опираться на социалистическую дошкольную систему.

Конечно, этот высокий рост школ был вызван прежде всего громадным энтузиазмом населения. И когда все эти школы открывались, даже по 1.600 школ в год, то никто не спрашивал себя, на какие средства они будут содержаться, т.-е. как они будут существовать. Главным источником была для нас наша центральная смета. Нигде в мире, как вы знаете, государство не содержит всей школьной системы за счет казны. Мы вынуждены были это сделать, имея ресурсами только нашу хлебную разверстку и наши эмиссии. Цифры на содержание необходимого количества школ выставлялись тогда без больших споров, но обязательства не исполнялись,—уж конечно, не злой воле, а по неимению к этому ресурсов. И учителя этих школ, и губернские и уездные отделы народного образования ждали и думали, что то, что обещано, когда-то придет. Они ждали и терпели. Кроме того, дыры затыкались разными местными ресурсами, главным образом, чисто материальными, т.-е. теми или другими тканями, детскими вещами и продуктами, которые находились в запасах губерний. Так плохо тянулось это дело при стонах со всех сторон, что школа недомогает. И можно было с уверенностью заранее сказать, что когда-то наступит такой день или месяц, в который будет ясно, что эта созданная колоссальным порывом народных масс крестьянства и пролетариата расширенная сеть уч. заведений рухнет, потому что реальной подлинной материальной базы под ней никакой нет. Страна, которая и тогда уже находилась в таком положении, позднее уже окончательно с переходом на плановое хозяйство выяснила, что она имеет 25% прежней продукции в промышленности,—страна, которая в течение долгого времени имела, вероятно, ниже 50% сельско-хозяйственной продукции, разумеется, одновременно с этим не могла иметь в полтора раза большую и интенсивно развитую сеть школ. Тогда мы стали переходить к плановому хозяйству. Среди других статей наших государственных смет было обращено

внимание и на смету наркомпроса. Ее решили всемерно сокращать потому, что в таком виде она была государству непосильна. Сокращение должно было быть произведено, по мысли правительства, не за счет уменьшения народного образования, а за счет переноса забот о нем на места. Вы помните, как проходила эта реформа в хозяйственном отношении. Все школы, дошкольные учреждения, детские дома были сняты с центрального финансирования и переданы на места в хозяйственном отношении, и персонал их также, при чем за наркомпросом было оставлено 90 с лишком тысяч единиц—это приблизительно 50% учителей чрезвычайно сократившейся к этому времени школьной сети. Как временная мера, наркомфин имел в виду с течением времени постепенно отказывать местам в поддержке из центра на школы, детские дома и дошкольные учреждения. Каков же был результат этого перевода, который сказался в 1922 г., и который вызвал то, что называют крушением, кризисом и т. д.? Результатом было действительно чрезвычайное сокращение по всей линии. Местных средств к тому времени еще не было. Вы все знаете, что даже рессурсы были указаны только теперь, совершенно недавно, когда значительные статьи налоговой доходности были переданы на места.

Местная власть начала сокращать сеть школ, детских домов, кое-где прямо указывая, до каких пределов сокращать, а кое-где допуская бегство учителей, вывешивая замки на школах в стихийном порядке. Благодаря такому судорожному паническому сокращению, к апрелю 1922 г. мы уже имели вместо 80.000 школ—68.796 и вместо 6.400.000 учащихся—5.384.963 учащихся. И с какой быстротой шло это отступление видно из того, что к октябрю мы имели уже 55.000 школ и 475.000 учащихся. Количество учащихся сокращается несколько медленнее, но в общем, как видите, падение количества школ и сокращение числа учащихся еще не закрепилось и на этих цифрах, и идет с такой быстротой, что, принимая во внимание нестроту по разным губерниям, приходится сказать, что сокращение достигает 45—50—60 и выше процентов. Сейчас по количеству школ мы уже значительно понизились по сравнению с 1914 г. По количеству учащихся мы еще как будто бы стоим несколько выше 1914 г. Так вот каково катастрофическое понижение, которому пока еще не поставлено никакого предела. Если мы теперь обратимся к тем цифрам, на которые я обращал ваше внимание, об отношении учащихся к детям соответственного возраста, то мы видим такую картину: в то время, как в 1920 г., как я уже сказал, принимая одиннадцатилетний возраст за предельный, мы имели 75% детей учащихся, в 1922 г., в апреле, мы имеем 44% и к нынешнему времени это количество сокращено еще до 38%. Стало-быть, мы чрезвычайно удалились от наших идей обеспечить за каждым русским ребенком место в школе. Если бы мы хотели довести сейчас нашу школу до такого положения, чтобы у нас половина детей обучалась бы грамоте, нам нужно было бы иметь 75.000 школ и 6 миллионов учащихся, т.-е. нам нужно было бы вновь открыть сейчас не менее 20.000 школ. Вот вам совершенно об'ективная картина того, что случилось за последнее время и что, конечно, является не результатом чьей-либо ошибки, или какого-нибудь социального землетрясения, а просто следствием того, что пришлось по одежке протянуть ножки. Ножки немного вытянулись, и это естественно, ибо всем хотелось как можно скорее сделать те или другие завоевания на фронте просвещения, и их пришлось, можно сказать, почти обрубить. Потому что по этой катастрофической скромной одежке стали мерять слишком спешно, и у нас, в наркомпросе, нет уверенности, что на самом деле рессурсы страны требуют такого панического сокращения. Напротив, у нас есть уверенность, что мы отступили дальше,чем нужно было, и мы уже сейчас констатируем, что немного ахнули на местах, видя такую картину, стали обращать больше внимания на школьную сеть и вообще на дело народного образования. И уже сейчас можно сказать, что начались некоторые, пока еще весьма небольшие результаты, дающие несомненный сдвиг в этом отношении,—сдвиг, отразившийся прежде всего на внимании, а за ним, конечно. и на средстве, о чем я, впрочем, буду говорить более подробно. Мы хотели еще обратить ваше внимание на то, что с

дошкольным образованием дело у нас еще хуже. Наивысшую сумму, в которой мы считаем только детей дошкольного возраста, действительно, в школьных учреждениях находившихся,—потому что у нас есть еще детские дома в 44 губерниях,—в 9 автономных областях в 1920 году находилось 207.848 детей дошкольного возраста, в апреле 1922 года—86.000 детей. Дальнейшее сокращение, по сравнению с апрельской сетью, произведено уже больше, чем на 50%, и то, что мы создали, что иностранцы-педагоги отмечали во многих случаях, с великой симпатией, как нашу заслугу, чем мы гордились в этой области,—пошло на смарку. И последний с'езд губоно постановил постараться удержать хотя бы по два дошкольных учреждения по губернии. Сейчас мы имеем, таким образом, полнейший разгром. Еще одна сторона главсоцвоса—детские дома. Они всегда у нас росли неимерно. Приюты, которые были в царское время и в которых было от 80 до 90.000 детей, мы довели до 300.000. В это время нас ударил голод. И раньше беспризорных детей было много, раньше мы постоянно жаловались, и получили себе в помощь комиссию по улучшению жизни детей, но во время голода это превратилось в настоящую катастрофу. Не стану говорить о детской смертности, вызванной голодом. Это ни от кого не зависит, и нам не о чем говорить—колоссальная беспризорность, с которой мы решили вести борьбу, и с которой мы далеко не сладили в виду скудости наших средств. Я буду говорить только о детских домах, как таковых. В детских домах у нас находилось свыше 600.000 детей, но этого еще мало: если бы мы подобрали всех детей, нуждающихся в том, чтобы над ними была крыша и дали бы им чего-нибудь есть, то их было бы гораздо больше. Но и этих 600.000 детей мы содержать не могли. Из средств центральных было взято на государственное иждивение 320.000 детей, а остальные 280.000 должны были получать питание за счет местных ресурсов. Но надо сказать правду, что и центральные ресурсы были до чрезвычайности недостаточны. Беспрестанно мы получали известия из губерний, что паек либо вовсе не выдается, либо выдается в таком виде и количестве, что он делается бесполезным. И в самих детских домах была чрезвычайно высокая смертность. Всякая попытка в дальнейшем еще увеличить тяготу детских домов на местный бюджет, для нас была до крайности неприемлема, потому что это дети, которые являются государственными сиротами, и их нужно как-нибудь устроить. Поэтому, когда производится какая-нибудь реформа в роде той, которую недавно хотели провести, именно, 33.000 педагогов переложить на местные средства, мы знаем, что из этого происходит. Местная власть, не находя новых ресурсов, закрывает несколько школ. Школу закрыть можно, но детские дома—нельзя. Нельзя пускать детей на мороз, чтобы они умирали с голоду. Сейчас детские дома немного разгружаются. Мы отдаем назад детей, у которых есть хоть какая-нибудь семья, но если принять во внимание море детской беспризорности, то сильно на это рассчитывать нельзя. На совещании, которое мы устроили из членов с'езда, было принято пожелание, чтобы центральная казна взяла на себя целиком содержание этих детей. Конечно, это пожелание довольно платоническое, вряд ли можно этого добиться, и НКПрос, который не может выступать в качестве ведомства, отстаивающего свои интересы, а выступает, как часть единого правительства,—НКПрос не мог ставить этого ни в свою резолюцию, ни в свои требования, т. к. он находит, что в нынешнее время выставлять такие требования невозможно.

Теперь перейдем к другой стороне нашей школы—это к страданию нашего учителя.

Т. т., я мог бы здесь в течение некоторого времени мучить вас потрясающей беллетристикой, которую мы имеем. У нас среди учительства ужасающие факты нищенства, преждевременной смерти, колоссальные заболевания, проституция и т. д. Картина, как жил в это время наш учитель,—потрясающая, и никто не должен удивляться, что от нас эти учителя бежали, куда глаза глядят. Не нужно удивляться тому, что новых учителей вербовать из сколько-нибудь ценных элементов невозможно. Это неудивительно. Не стану приводить здесь этих примеров: они приводились

уже в печати, и, кроме тяжелого впечатления, ничего не дадут, так как все, что можно сделать для учителя, вы и без того сделаете. Но нельзя, т. т., не остановиться на цифрах, которые ясно говорят о совершающейся несправедливости. У нас не только нет средств, и мы не можем содержать школу, как следует, но, помимо этого, у нас совершается колоссальная несправедливость. Вот вам средние данные по отношению к квалификации и оплате целого ряда категорий работников, из которых вы увидите о колоссальной несправедливости по отношению к школьным работникам: табачники—2, коммунальники—4,9, текстильщики—5,1, металлисты—5,8, кожевники—6,6, раб. транспорта—6,7, медработники—7, пищевики—7,2, печатники—7,5, раб. просвещения—11.

Средняя квалификация членов союза работников просвещения значительно выше всех остальных, без исключения. А оплата? Процент так называемого минимального заработка, принимающийся за достаточный, как минимум существования у дерево-обделочников—81%, у строителей—76%, бумажников—68%, сахарников—66%, коммунальников—55%, химиков—47%, у металлистов—46%, медицинских работников—33%, работников народной связи—24%, работников просвещения—12%. При минимуме, который не считается нормальным для существования рабочего человека, мы получаем тот парадокс, что учитель получает 12% его, т.-е. 1/8 часть этого минимума. Это выражается в 2 руб. 90 коп. на золото в месяц. Таково положение учителя до самого последнего времени, когда некоторый рост местных ресурсов начал постепенно изменять это к цифре немножко более высокой, но не теряющей, однако, всей своей остроты. Этого терпеть никак нельзя. Это есть какое-то неосознанное отношение к учителю, как, априори, к парию. Он почему-то должен вдвое меньше есть, чем почтовик, втрое меньше, чем медицинский работник, и в 6 раз меньше, чем уважающий себя пролетарий. В конце-концов, конечно, какое-то большее равенство, менее наглядная контр-революционная агитация цифрами должны были бы иметь место. Устанавливая подробное отношение к школе, мы даем оружие против самих себя. Здесь произошла невязка, невязка, страшно горько сказавшаяся на учительстве. Какие же меры можно рекомендовать для того, чтобы эту школьную сеть и школьное дело нам удалось спасти? Остановить дальнейший развал и, может-быть, осторожно перейти в недалеком будущем к закреплению этого фронта и к некоторому наступлению на нем. Мы считаем, что, независимо от роста местного бюджета и местных ресурсов, мы никоим образом не можем согласиться с тем, чтобы нельзя было в будущем поднять делэ НКПроса в центральном бюджете. Я приведу некоторые факты относительно того, как обстоит дело с долей бюджета на просвещение в общегосударственном бюджете. Я прочту по годам только процент, который составлял бюджет народного просвещения в России. В 1912 году—5,7; в 13 г.—6,1; в 14 г.—6,6 в 15г.—6,5; в 16 г.—7,5; в 17 г., при Керенском—5,2; в 18 г.—6,3; в 19 г.—8; в 20 г.—10,4%.

В 1920 г. мы имеем по смете наивысшую сумму в смысле %%, какая когда-либо в России была. В 1921 г.—8% и в 1922 г.—4,2%, благодаря переводу школы на местные средства. И параллельно с этим я приведу одну цифру абсолютного характера. До войны на народное просвещение затрачивалось 238 миллионов центральных средств и 76 милл. местных. В настоящем году всего-на-всего на все дело народного образования затрачено 36 миллионов. Отсюда видно еще раз с полной ясностью, что мы не можем говорить о том, правильно или не правильно строится школа, хорош или нехорош учитель, одним словом, о всех сторонах внутреннего распорядка школы. Школа, которая получает одну десятую того скудного содержания, которое она получала до войны,—ибо Россия, как вы знаете, никогда не была в смысле просвещения особенно передовой страной,—эта школа больна, дышит на ладан. Разумеется, это все говорится не к тому, чтобы тем самым осудить наш государственный бюджет. Всем ясно, в чем дело. Во-первых, весь бюджет сокращен до крайности, и существует целый ряд комиссариатов, целый

ряд государственных задач, на которых сокращение недопустимо: мы воевали, после войны вынуждены все-таки оставить большую армию, возрождать флот, надо позаботиться о промышленности, и прав, тысячу раз прав Владимир Ильич, когда говорит, что, не поддержав тяжелую индустрию, мы не только не можем рассчитывать на то, чтобы развиваться, как социалистическая страна, а даже самостоятельности своей не сохраним. Прежде—существовать, а потом—учиться. И есть такие стороны бытия, на которые нужно обратить внимание неуклонно, в первую очередь—они сами о себе вопиют. Все так. Но мне кажется, что в той картине, которую я перед вами рисую, бросается все-таки в глаза какая-то явная непропорциональность, все-таки школа была забыта, все-таки следовало бы помнить и подчеркивать, что народный комиссариат просвещения есть производственный комиссариат, и надо позаботиться, чтобы его поддержать. В самом деле, что это за рассуждение, т.т., что ВСНХ производственный комиссариат, а НКПрос.—нет. Если пойдете на фабрику, посмотрите на производство, то, кроме машин, смазочных масел, топлива, вы еще что-то найдете там,—найдете там человека, который умеет производить и без которого дело остановится. Ну, а кто у нас в государстве должен поставить нового человека, когда старый израсходуется? НКПрос. У него сосредоточено все,—от высшей школы до фабзавуча, все в его руках. Каким образом можно сказать, что комиссариат, который дает человека-производителя и его производственный навык, тому же самому совнархозу, НКЗему и другим,—каким образом можно сказать, что это не производственный комиссариат? Это просто странная близорукость и больше на словах, потому, что каждый внутренно знает это хорошо, и сам совнархоз не может отделить своей судьбы от нашего главпрофобра, и у нас постоянные с ним взаимоотношения, постоянная взаимная поддержка,—иначе и быть не может.

Конечно, было бы совершенной утопией рассчитывать на то, что, повышая нашу бюджетную долю, тем самым мы выйдем из тяжелого положения, в котором мы сейчас находимся. Разумеется, главный центр тяжести должен быть возложен на места. Как я вам сказал, сокращение и неимоверно катастрофическое падение школьной сети происходило на местах, так как у них ресурсов не было. Сейчас это начинает проходить. Местные бюджеты последнего времени рисуют уже несколько более отрадное положение. Конечно, только немногие счастливейшие из губерний решаются заявить, будто бы они дадут бюджет без дефицита. В огромном большинстве случаев дефицит зияет, и есть еще губернии, которые вследствие этого дают на народное образование смешной процент из своего бюджета. Я не буду называть губерний, но есть одна, которая только 7% на это дело дает. Это, конечно, исключение. В последнее время бюджеты стали очень сильно расти. Я приведу вам несколько примеров на выдержку, и из них ясно уже, что в общем на народное образование некоторое внимание обращено. Так, Новгородская губерния отпускает 30% общего бюджета, Симбирская губ.—25%, при чем они уже дают, например, значительно больше, чем получают из центра; Рыбинская губ.—30%; Смоленская губ.—30%; одним словом, имеется очень немало губерний, которые дают 30% и несколько выше.

Мы очень хотели бы, чтобы два явления при этом установились. Во-первых, чтобы губернии ниже 30% своего бюджета не давали бы на это дело ни в коем случае. Мы, в резолюции этого не постарались, губернии слишком в разных положениях находятся. Там сказано: только требовать от лица с'езда, чтобы на нужды народного образования давались максимально возможные отчисления. Но только максимальные отчисления не должны падать ниже 30%. Земство в среднем тоже отчисляло 30%. Мы уже натерпелись в том смысле, что суммы из местного бюджета, назначенные в определенном размере, потом реализуются в гораздо меньшем. Этого в резолюции нет, но хотелось бы, чтобы моральное настроение с'езда было таково, чтобы наши местные органы считали себя обязанными дать такого рода обязательства, чтобы эти суммы реализовались полностью; чтобы они выполнялись на

100%. Конечно, и эти меры к повышению местного бюджета могут дать кое-что, но вполне удовлетворительного решения они нам не принесут и вообще, т.т., пусть никто не думает, что мы в НКПросе утопически надеемся, что, благодаря решению с'езда, наша школа окажется не то что цветущей, а хотя бы нормальной. Этого пока не будет. Таких ресурсов не может изыскать и с'езд советов. Это вне нашей возможности, пока мы экономически бедная страна, пока мы не восстановили нашего народного хозяйства.

Мы думаем, что начнется некоторый перелом к лучшему, благодаря нашим категорическим указаниям повысить наш центральный бюджет, выделить максимальные средства на места, выплачивать их по возможности точнее, заботиться о деле народного образования, как важнейшем, поскольку гнет военных забот с нас на продолжительный период спал, и поскольку мы слышали по докладу о промышленности, что она начинает выкарабкиваться из своего тяжелого положения; пора подумать о том завтрашнем дне, которому служит народное образование и который может горько за себя отомстить. Прошло уже 5 лет, как в этой отрасли были только прекрасные планы и фактическая разруха. Дальше этого терпеть нельзя и надо постепенно переходить к закреплению этих позиций и продвижению вперед. Вот в этом отношении известную небольшую роль может сыграть и платность.

Т.т., с'езд советов вынужден будет, прослушав те аргументы, которые я приведу для этого, признать необходимым в известных пределах временное отступление от нашего программного положения о бесплатности образования. Но я просил бы с'езд очень памятовать, что этим он никаких средств школе не даст, а, наоборот, несколько их уменьшит. Это может показаться парадоксом, но это так. Главный аргумент, жизненный, в пользу платности это то, что 31 губисполком практически эту платность у себя ввели, ввели ее до крайности пестро, от минимальной платности до очень высокой, с совершенно различным процентом от 20% до 70% освобожденных от платы. Этот факт и заставил НКПрос, несмотря на нежелательность введения платности, пойти ей навстречу. Это требование жизни, от которого никуда не уйдешь, потому что в тех губерниях, в которых не введена платность официально, она введена неофициально. Губисполкомы вводили платность, не спрашивая НКПрос. И в 31 губернии губисполкомы, не спросясь НКПроса, ввели платность, а в остальных, не спрашивая губисполкомов, вводят плату сами школы. Только та и разница, а плата существует везде. И мы думаем, что общими силами можно эту платность ввести в нормальное и приемлемое русло, т.-е. освободить от нее крестьян, которые должны нам, как вы увидите дальше, помочь в другой форме, освободить рабочих и служащих, получающих ставку ниже 13 разряда, целый ряд других категорий населения, например, детей красноармейцев, инвалидов и т. д.; урегулировать плату так, чтобы по отношению к служащим она бралась в процентном отношении к их заработку и независимо от числа детей, а с коммерсантов бралась полностью. Это и тогда будет довольно неправильно: деление на платящих и неплатящих в школе неприятно, но мы будем иметь тогда известную плату, которой будет обложен участник выгод новой экономической политики, наш, не особенно приятный партнер из области частной инициативы. Мы сможем сказать рабочему и крестьянину: мы отступаем от программы, мы освобождаем детей твоих от платы за учение, но мы налагаем эту плату только на определенную часть населения, которая является либо эксплуататорской, либо не является страдающей от нынешней разрухи, для того, чтобы улучшить положение твоих детей. Только эта форма платы может быть приемлема. И у нас уже выработан проект, который здесь будет роздан, который будет проводиться не через с'езд, а через Совнарком. Он не отсекает у губисполкомов возможности не вводить платы, так как проект прямо говорит, как и резолюция, которая здесь предлагается: допускается плата! Стало-быть, губисполкомы, которые не пожелают вводить плату и найдут другие ресурсы, тем самым не только получают право это сделать, но и всячески будут прославляться за это. Очень хорошо, если они смогут это сделать, но

с тем, чтобы школа не разваливалась, и с тем, чтобы не было желания остаться в чистых крестных ризах за счет бедствия школы, что было бы недопустимо. Но если есть возможность покрыть нужды школы без платы, то, конечно, нужно это сделать, но надо, чтобы плата приняла приемлемые формы. Вот почему я сказал: «Тем, что вы примете в вашей резолюции о платности, вы ничего школе не подарите,—наоборот, очень многие губисполкомы или губоно получали в виде платы больше, чем они будут получать после проведения нашего закона. Скорее в общем и целом, по всей России, это будет некоторый минус по сравнению с нынешним порядком, ибо мы не то, что вводим плату в стране, где платы не было, а мы регулируем плату в стране, где она взимается не регулярно. И возможно, что это будет в общем и целом не материальный плюс, а материальный минус. И поэтому горе тому, кто нам скажет: «У вас есть платность, у вас есть собственные ресурсы,—взимайте, надавливайте, нажимайте». Нажимать и надавливать мы заранее отказываемся. Мы считаем, что те пределы, которые мы рекомендуем, крайние; мы считаем, что это может дать какой-нибудь процент, 5%, 10% или 15% необходимых расходов в лучшем случае, и что у нас ни в коем случае нет уже налицо тех 85%, которых при этом не хватает,—что при всем напряжении центра, при всем напряжении мест и при взимании платы в этих справедливых размерах, школа будет нищая. Поэтому пусть никто не думает, что мы платность выдвигаем, как материальную базу, как базу, способную заменить другое: мы предлагаем плату—только как подспорье, и то как временное подспорье, потому что как только местный бюджет станет на ноги, мы, разумеется, будем ходатайствовать об освобождении нас от платы.

Здесь много раз выдвигалась идея целового школьного налога. Я, грешный человек, никак не мог понять, что, собственно говоря, хотят этим сказать. Целовой ли он налог или нет, но он прибавляется к налогу, которым облагается все население. В данном случае хотят обложить города и городские селения. Но не все ли равно сказать: все население, в том числе бездетные и холостяки, должны платить такой-то процент на школу, или вообще повысить налог—это совершенно безразлично. Поэтому нам все равно, будет ли это особый школьный налог или местный или центральный. Налоговые ресурсы возрастут настолько, что нам скажут: да, сейчас мы можем давать на школы приблизительно столько, сколько нужно, чтобы она не умирала. Давайте снимем с себя этот груз платности. Мы, конечно, на такой призыв немедленно же пошли бы. Отказаться сейчас от этого нельзя. Мы самым внимательным образом изучили местный бюджет. Местами плата дала очень мало и, вероятно, некоторые губисполкомы откажутся от платы, но местами она является в высшей степени серьезным ресурсом. И сейчас отнять этот ресурс, аннулировать эти решения губисполкомов или предоставить им итти попрежнему—кто в лес, кто по дрова—невозможно. Поэтому, как на мере временной и относительной, мы настаиваем на этой платности.

И так как рядом с этим возникает вопрос о том, раз школа платная, то нельзя ли допустить частную школу, ибо частная школа прекратила свое существование в виду полного запрещения платы,—то мы тут же отвечаем: мы уже допустили художественную частную школу под нашим, конечно, руководством. Школы типа узкой специальности, бухгалтерские, стенографические и другие подобные, можно допустить, но в области школы общего образования, мы частных училищ допускать не будем. И взгляд этот формулируем в том смысле, что все школы удерживаются попрежнему в руках государства.

Я отмечу еще, что последнее время у нас имеется более глубокая и более постоянная связь с местами. Не говоря о с'ездах заведующих губоно и конференциях, не говоря о с'ездах заведующих отделами, как-то: заведующих губернскими профобрами, местными политпросветами, мы сейчас вызываем попеременно одного за другим заведующих губоно и с каждым ведем специальные беседы. Таким образом, связь у нас значительно окрепла, и мы не можем не отметить, что другие методы поддержки школ в большинстве случаев служить отказываются. Само-

обложение в большинстве дало очень малый результат. Что касается шефства, то и об нем распространяться не буду; есть отдельные прекрасные случаи, когда прикрепленные школы оказались в значительно лучшем положении, но, конечно, Всероссийский с'езд советов не может ни предписывать, ни рекомендовать таких вещей, так как это чисто добровольное явление.

Но вот существует одна мера помощи школе, которая, повидимому, оказалась правильной и которая была рекомендована НКПросом именно, договоры с сельским населением. Вместо самообложения мы рекомендовали по определенному типовому договорному акту заключать договора с сельским населением, при чем в этом акте указано, что школа находится в ведении оно, следовательно, находится под его руководством и подпасть под влияние попа или кулака не может, а испрашивает у населения лишь материальную поддержку, дающую, конечно, населению право контролировать средства, ассигнуемые на расходы по школе.

И вот мы имеем теперь довольно большое количество данных, касающихся РСФСР, а тов. Затонский, народный комиссар по просвещению на Украине, привез данные, которые свидетельствуют о том, что там дело идет гораздо лучше, там имеются губернии, где до 70—80% всех школ содержатся за счет местного крестьянского населения. У нас мы имеем Новгородскую губ., где было заключено, по нашим сведениям, 408 договоров; правда, есть и такие, как Рыбинская, где, по нашим сведениям, было заключено около 40 договоров; Новониколаевская—257, Тульская г.—513, Смоленская—70% всех школ, Витебская—60% всех школ, Вятская—341, Донская—150, Пермская—321. Вот вам на выдержку несколько губерний. Вы видите сотни школ,—это не пустяки, а украинские цифры говорят иногда и о тысяче и свыше тысячи школ на губернию. Тут могут быть и нежелательные явления. Иногда крестьянство, под влиянием какой-нибудь темной силы, пытается выставить требование, которое для него и, главным образом, для его детей было бы зловредным требованием, например, отступление в сторону того или другого преподавания религии и т. д. Но, обыкновенно, крестьянство очень легко отступает, и, может-быть, не беда даже, если по этому поводу будет вестись лишняя дискуссия. Хуже, если места, взявшие на себя обязательства в лице сельских обществ, их не выполняют. Мы позаботились о том, чтобы этот акт имел юридическую силу. Лучше пускай крестьяне раньше, чем подписывать акт, подумают, пускай этих актов лучше будет меньше, но чтобы эти договоры были крепки; и когда какое-нибудь сельское общество не захочет исполнять договора, мы должны иметь право апеллировать к суду, как в отношении ко всякому неисполненному договору. Мы поэтому и вставили в резолюции пункт и просим с'езд указать на то, что местные власти должны поддерживать кампанию договоров. В этом пункте вставлено—и это мы заявляем совершенно искренне—что в самую первую очередь мы будем заботиться о восстановлении деревенских школ и о придании им того характера, который внушит к ним доверие крестьянства, именно уклона к практическому сельскому хозяйству. Если все эти меры остановят распад школы, если школа перейдет в наступление, если мы сможем подумать о внутренней жизни школы, о трудовом характере и политическом направлении, которое примет эта школа, как нам быть тогда с учительством? Прежде всего я скажу вам, что все-таки учительство не так плохо, как о нем обыкновено принято говорить, и я тут буду говорить об учительстве не второй ступени, где есть люди в футляре, бывшие меньшевики и эсеры и всякие обывательские шептуны, я буду говорить о массовом низовом учительстве, и скажу, что в большинстве то осуждение, с которым к нему подходят, ни на чем не основано. Если взять политическое настроение этой массы учительства, то я не отрицаю возможности наличия людей, которые нам враждебны, но учительство энтузиастично шло навстречу единой трудовой школе Советской власти. Разумеется, этот энтузиазм был очень охлажден сильно действующим средством—голодом и, несмотря на то, что учительство голодало беспрерывно в течение этих пяти лет, я желал бы видеть

другой с'езд с таким энтузиазмом, как последний с'езд работников народного просвещения. Нужно сказать, что каждый из нас, работников Цекапроса и НКПроса, с смущением думал, как они встретятся с этими людьми, которые получают 12% прожиточного минимума, как они встретятся с этими людьми, не гласно признанными парнями, а мы на этом с'езде встретили людей, которые жадно ловили каждую весть о том, что их страдания прекратятся, что на школу обращают, наконец, внимание. Они с огромным под'емом приветствовали мою фразу: «да здравствует русский рабочий и его верный помощник учитель!». Они этот лозунг пишут у себя на плакатах, а нужно сказать, что на этом с'езде было много беспартийных и был также высокий процент коммунистов, что показывает, что к коммунистической партии отношение среди массового учительства очень хорошее. Я утверждаю, что среди учительства есть чрезвычайно много людей, на которых можно опереться, но если обратиться к их педагогической подготовке, то они ответят: я г о л о д е н, дайте мне поесть, я разут, я без штанов, дайте мне одеться, дайте мне жить, и я буду со всем энтузиазмом у ч и т ь с я. Я почти ничего не знаю. Политграмота, дайте мне ее—А, Б, В. Я мало, что слышал. До меня не доходит даже газеты. Сельско-хозяйственный уклон?.. Пошлите агронома, который дал бы мне книги, начатки знания, и я ухвачусь за них зубами. Нужна огромная работа по их переподготовке. «Переподготовка»—это неуклюжее слово, но оно теперь приняло права гражданства. Пока мы не имеем достаточного отклика на это. На это дают такие суммы, на которые можно открыть в течение трех месяцев одни курсы. Мы не требуем золотых гор, но можно бы приступить к устройству кружков, к рассылке программ и книг, к самообучению на местах, к превращению каждой конференции в краткие руководящие курсы. Школа, конечно, падает вместе с учителем. Учительство—это великолепная аудитория, которая жадно будет ловить все начатки знаний и политграмоту. Там есть эти элементы, за это можно категорически ручаться. Повышение уровня учительского существования даст возможность привлекать и новые силы, которые сейчас привлечь невозможно, вследствие чего разные пересмотры, перетряхивания, выбрасывания негодных учителей приводят не к лучшему а, часто, к худшему персоналу. Вот что я имел сказать по самым животрепещущим вопросам, по вопросам,—касающимся школы, но я считаю необходимым познакомить вас и с другими сторонами дела НКПроса, хотя и более коротко, потому что время мне не позволяет сделать исчерпывающий доклад.

Главпрофобр был в лучшем положении, чем школьное дело. Кто-то сказал крылатую фразу, что главпрофобр—завтра, а главсоцвос—послезавтра. Дети теряют 2—3 года, потом доучатся, а усиление кадра врачей, инженеров, агрономов и т. д.—это дело, в котором экономические комиссариаты не могут не быть заинтересованы.

Значительная заинтересованность экономических комиссариатов в главпрофобре была сначала довольно невыгодна для нас, ибо дело сводилось к тому, что совнархоз и другие экономические комиссариаты заявляли: дайте нам каждому свое, дайте ВСНХ технические учебные заведения, дайте НКЗ сельско-хозяйственное образование, но потом оказалось, что они при этом ровно ничего не выиграли. НКПрос, как выразился т. Цюрупа, самый беззубый комиссариат, а надо иметь зубы, чтобы загрызть противника при распределении благ. Но некоторые комиссариаты, хотя и были зубастыми, не могли получить больше, чем мог Наркомпрос; например, попытка НКПС взять на себя заботу о профессиональных школах и о школах по ж.-д. линиям кончилась крахом. У него средств на это не оказалось, и он должен был просить при нашей поддержке пособить ему чем-нибудь на бедность, н о э т о - т о и м ы у м е е м д е л а т ь. В скором времени неприятное желание растащить по кускам главпрофобр прекратилось и мы вступили в период договоров, когда мы со всеми почти комиссариатами, заинтересованными в главпрофобре, учиняем целый ряд договоров: они, чем могут, нам помогают, они

дают нам указания относительно того, чему, в каком количестве мы должны обучить молодых людей, мы сейчас живем с ними в большом мире и жаловаться ни на один из них не можем. Я уже сказал вам, что главпрофобр соединяет в себе высшую школу, среднюю, техническую школу и еще чрезвычайно важную работу, именно внешкольную профессионально-техническую работу, т.-е. временные школы по поднятию квалификации рабочих. Все это важно до чрезвычайности. Это до такой степени основная часть всего государственного нашего костяка, что если мы технически не сумеем никого обучать, то мы должны признать тщетность всех надежд на какое бы то ни было хозяйственное возрождение, и совершенно несомненно, что то, чего боится т. Ларин, в случае обилия концессий, то получится, завоевание нас иностранным капиталом, без всякого сомнения, наступит, если у нас не будет своих спецов, если, уступая Европе в смысле знаний, подпадем, как дикая страна, ее господству.

Тут нельзя зевать, нужно обратить самое сугубое внимание на эту сторону дела: и я должен сказать, что в этом отношении главпрофобр, благодаря поддержке экономических комиссариатов, стоит в несколько лучшем положении, чем другие части НКП. Но все же далеко и здесь не все благополучно.

Что мы сейчас проделали с высшей школой? Под влиянием революционного энтузиазма мы, конечно, открыли довольно большое количество высших школ вновь. Мы теперь вынуждены были почти все абсолютно их закрыть. В общем мы закрыли 49 высших учебных заведений и ряд высших учебных заведений сократили путем слияния их с другими. Таким образом, теперь осталось на всю Россию 91 высшее учебное заведение. И, несмотря на такое огромное усечение высшей школы, которое привело к тому, что 7 высших учебных заведений были оставлены по требованиям губисполкомов с переводом их на средства губисполкомов, так что в некоторой степени места протестовали против такой урезки, несмотря на это, мы очень думаем о том, нельзя ли их еще урезать, ибо так, как они существуют сейчас, они существуют прескверно. Низший преподавательский персонал находится в таком же ужасном положении, как и учителя. Все высшие учебные заведения стоят без ремонта, все они отвратительно оборудованы, потому что старое оборудование отказывается служить, средств на их содержание не хватает. «Коммунальные услуги» душат нас в такой мере, что случается недопустимое явление, когда больницы, клиники и аудитории вдруг оказываются лишенными света и все-таки именно на высшие учебные заведения нужно указать, как на самое отрадное явление нашего фронта народного просвещения. Владимир Ильич в своей речи перд III Интернационалом сказал, что главная причина многих нелепостей происходит от того, что средний, а отчасти и низший специальный персонал центральной и местной власти не наш. Там есть люди, которые или не хотят работать нам на пользу или не умеют этого делать. Мы пытаемся черпать нужных нам людей из крестьянских и рабочих масс, и бывают такие талантливые люди, из них сотни присутствуют и здесь.

Через ряд ошибок и при помощи колоссальнейшей внутренней работы они оказываются на высоте положения и без предварительного изучения данной отрасли общественной или государственной деятельности. Но это единицы. Нам нужно во что бы ни стало больше черпать из пролетарских и крестьянских глубин, надо создавать нашу новую интеллигенцию,—интеллигенцию, с одной стороны, в корне противоположную предыдущей, слитую безраздельно с рабочими массами, но, с другой стороны, подлинную интеллигенцию, т.-е. такую, в которой каждый являлся бы мастером своего дела,—мастером высокой квалификации или средней квалификации, но мастером. И поэтому правительство и коммунистическая партия и запросили у народных масс: могут ли они дать те 30 тысяч молодых людей в год, которых мы можем и которых мы должны обучить для того, чтобы через возможно более короткий промежуток времени дать вам всем на местах и в центре настоящих помощников, настоящее крепкое молодое поколение, осмыслен-

ное, знающее свое дело, исполненное энтузиазма, готовое вместе с нами умереть за наше дело, ту подмогу, без которой мы с места не двинемся. И страна ответила на это блестяще: громадный внутренний рост комсомола, вся молодежь, которая идет через наши партшколы вплоть до Свердловского университета, рабфаки, переполненные в высшей степени способными людьми, наш прием в университеты по признаку социального происхождения, давший в этом году чудеснейшие результаты: у нас на первом курсе высших учебных заведений не менее 30% одних коммунистов. На факультете общественных наук в Москве—до 70% коммунистов. Мы имеем 10 тысяч студентов-коммунистов здесь, в стенах Москвы (аплодисменты). И это явление, т. т., распространено более или менее повсюду. Когда мы с итальянским коммунистом Бомбаччи в Петербурге присутствовали на гигантском в пять тысяч человек митинге нового студенчества, то Бомбаччи растрогался до слез и сказал мне: «Теперь можно сказать, что вы победили окончательно. Уже не только рабочие и крестьяне с вами, но и интеллигенция». Я должен был его несколько разочаровать. Дело не в том, что интеллигенция пришла к нам, а это нечто большее: рабочие и крестьяне создали «свою собственную интеллигенцию (аплодисменты). И вот, если мы, всегда согласно с указаниями орлиным взором вперед замечающего вождя нашего, поймем, что это наше главное сокровище, то ясно, как важно указание с'езда на то, чтобы позаботиться о новой работе—крестьянской интеллигенции.

О ней нужно во что бы то ни стало позаботиться. Это молодые люди, которые получили подготовку на полях битвы, на практической работе, кочуя по огромному пространству России, почти все рано или поздно ушедшие от станка или от сохи, эти люди, которые сняты теперь нами, иногда с довольно ответственной работы, они собраны в большие города и оставлены без квартир, без отопления, без одежды, без учебников. Они могут растеряться, а не должно быть этого. Я бы мог привести горчайшие факты. Запас революционного электричества у них велик: они веселы, они бодры, они от всей души хотят, ~~по рецепту т. Троцкого~~, грызть гранит науки, но они с ужасом видят, что, е с т ь нужно, что нужно заниматься при лампе, что нужно иметь крышу над головой, и если значительный процент потеряет мужество или разочаруется, и преждевременно погибнет в непосильной работе, это будет ужасно. И этот пункт, в котором мы далеко зашли вперед и где мы заняли блестящую позицию, должен нами быть укреплен. Это относится и к рабфакам и к пролетарскому студенчеству основных учебных заведений. И этот напор пролетарской молодежи в университеты изменил и лицо старых студентов: шатающиеся, колеблющиеся, ни то, ни се. Они стали переходить к коммунистам, они почувствовали, что в них сила,—сила разумная,—сила, умеющая часто правильно разрешать вопросы повседневной жизни. Студенчество стало выбирать коммунистов во все выборные учреждения вплоть до чисто академических. Но этого мало. Мы начали замечать то же самое и в профессуре, чего мы не замечали раньше. Профессура была в значительной своей части зловреднейшим политическим элементом в России, и так как те профессора, которые преподавали не чисто практические и естественные науки, а те или другие отрасли знания, в которых социальная тенденция может сквозить или неизбежно сквозит, то мы имели среди них прямых наших дозволенных и нами оплачиваемых контр-революционных агитаторов большой силы. Красная профессура, которая от них откалывалась, это была незаметная прослойка; обывательская профессура—ни рыба, ни мясо, бледнорозовая, или серая, она гордилась своей лойяльностью по отношению к нам, говоря: «всякая власть от бога, даже советская», мы готовы ей повиноваться, но этого было недостаточно.

Для нас было важно, чтобы эта профессура, среди которой есть очень большие ученые, очень опытные преподаватели, не только так к нам относилась. Нам важно было найти опорный пункт для борьбы с черной профессурой, нам нужно было вырвать из-под власти черной профессуры, черных настроений многих

крупных ученых, которые еще младенцы в политике и из-за своего младенчества тянутся за кадетами и т. д. Теперь это сделано, они входят теперь в профессиональные союзы работников просвещения. Они замиряются и мы на каждом шагу уже видим эти симптомы. Я припоминаю речь нашего известного профессора-химика Баха, стоящего во главе одного из замечательных наших учреждений—нового химического института (это—дело ВСНХ). Когда этот профессор Бах сказал чисто социалистическую и чисто советскую речь на открытии массе собравшихся ученых, ученые химики довольно горячо и с удовольствием аплодировали ему, что было бы совершенно невозможно еще год тому назад. Я должен при этом упомянуть, что мы относимся к профессуре ласково. У нас имеется под председательством тов. Халатова учреждение, созданное для заботы об ученых—ЦЕКУБУ. Положение ученых заметно улучшено, заметно улучшилось и их настроение.

Среднее техническое образование, как и вся средняя школа, нам бесконечно нужно, так как оно дает нам подходящий материал для высшей школы, а также мастеров сравнительно квалифицированных. Дело с ними обстоит плохо, и мы просим в резолюции упомянуть, что нужно обратить на них особое внимание. При этом я не могу не выдвинуть наших фабзавучей. В течение долгого времени наш комсомол требовал обратить сугубое внимание на фабрично-заводское ученичество. Довольно долго мы натыкались на различные препятствия, чтобы приспособить эти новые школы к фабрично-заводским условиям. Я должен отдать здесь особую справедливость комсомолу. Десятки работников из комсомола, и здесь и на местах, показали себя не только ретивыми в деле отстаивания прав, но и замечательными, не по возрасту, практичными людьми. Они взяли это в свои крепкие молодые руки и одержали здесь серьезнейшую победу. Мои сведения уже устарели, но и они еще очень хороши. По тем данным, которые были к с'езду комсомола, мы имели 500 такого рода школ по РСФСР и 34.000 фабричных и заводских учеников в них, и мы были уже близки к тому, чтобы перешагнуть за 50% обучения в этих школах всех работающих в промышленности молодых людей. И мы скоро к этому придем. Пока эти школы, может-быть, недостаточно обеспечены всем нужным, несовершенны, но в скором времени они, будучи чисто марксистской школой, осуществляя лозунг Маркса о соединении школы с производством, будут образцом для всей единой трудовой школы. Когда мы начали нашу школу подводить к нашему производству, тогда надо было забросить якорь в самую гущу фабрик и заводов. Поэтому, необходимо школам фабзавуча оказывать всяческую поддержку, и это делает главпрофобр, ВСНХ и другие комиссариаты. Всемерное усиление их—есть вещь необходимая.

Наконец, характерные цифры имеем мы в деле профессионального обучения рабочих. С огромным энтузиазмом пролетарское население откликнулось на призыв посещать курсы для рабочих. Дело тут простое: помещение есть на фабрике, на заводе, учитель свой техник и с сравнительно небольшой потерей рабочего времени можно было бы попеременно провести эти курсы всех рабочих. Курсы эти, безусловно, поднимают квалификацию рабочего и успех был замечателен. На первое октября мы имели 927 курсов и 52.000 слушателей в них. Это не пустяки, но, к сожалению, мы сейчас имеем уже только 246 курсов, и на них только 14.000 человек. Это дело подсекли в корне, и поэтому мы должны отметить, что комсомол в данном случае опять проявил инициативу, и мы просим с'езд указать, что надо принять все меры к тому, чтобы по возможности поднять до уровня 1920 г. эту страшно важную отрасль народного образования, которая непрестанно, с каждым часом дает реально осуществимые результаты для самой нашей промышленности.

Я буду краток относительно главполитпросвета. Все знают огромную важность главполитпросвета, который является органом государственным, который должен своим политическим руководством подтянуть до коммунистического самосознания страну, ставшую коммунистической,—страну, которая находится на низком уровне не только политического развития, но даже в смысле простой грамотности. Здесь

мы имеем элементы работы совпартшкол, Свердловского университета, которым мы гордимся, как рассадником научной практической коммунистической мысли, с одной стороны, и ликпункты—с другой. Мы в свое время развернули очень большую сеть их, но у нас не хватило средств, мы перевели ликпункты на местные средства, но местных средств тоже не хватило, и сеть хунула. Однако, местные средства улучшаются, и, если улучшение это пойдет и дальше, то дело это восстановится. Я хочу привести некоторые цифры, чтобы показать вам, как это произошло. Таких ликпунктов в 1921 г., когда мы существовали очень плохо, только на смету,—не на деньги, которые государство не давало, а только на обещания,—у нас было 17.462, а сейчас имеется только 1.126. Мы обучили за первый год, когда возникла эта сеть, 4.800.000 чел., и, если бы мы шли таким темпом, то мы в самом скором времени приперли бы неграмотность к стенке. Если же мы будем идти таким темпом, как теперь с 50% детей, остающимися вне школы, то поплетемся назад. Раньше у нас была максимальная цифра изб-читален в 28.132, сейчас она упала до 3.530. Упало также число библиотек. Их было в 1919—1920 гг. 14.800, сейчас же мы имеем всего лишь—3.684. Прорыв на этом нашем фронте очень большой, и утешить мы можем вас только тем, что уже и без вашей резолюции, на которую мы очень надеемся и которая должна дать благоприятный толчок, мы имеем некоторый поворот к лучшему. Последний с'езд работников просвещения не был настроен мирно, а прямо говорил, что как будто бы некоторый просвет имеется, некоторое улучшение заметно, хотя и в такой глубине распада и разгрома, что, казалось бы, надо было, прежде всего, плакать. Но русский советский человек стоек, и когда он чувствует, что дело улучшается, он перестает спрашивать—хорошо ли ему, лишь бы улучшалось, а все остальное придет.

Т. т., несколько слов о некоторых других сторонах дела. В нашей резолюции вставлены два пункта, касающиеся области ведения академического центра, а отчасти особо стоящих предприятий НКП.

Это, именно, кино-дело и искусство. Кинематографического дела мы коснулись в нашей резолюции вплотную, и просим указать, что кинематографическое дело имеет гиганскую важность, и терпеть ту неразбериху, которая у нас существует, нельзя. Вы, конечно, скажете, что в этой неразберихе первый виноват наркомпрос. Я готов с этим согласиться, но если бы мы обратили на это и большее внимание, мы ничего бы не сделали, потому что даже наш декрет проходил чуть ли не полгода, и только сейчас мы получили некоторую формальную возможность начать работать по об'единению этой работы,—декрет об этом вышел только в сегодняшних газетах. Но вините—не вините нас, а факт тот, что кино, как орган политической пропаганды, научной пропаганды, как здоровое развлечение и даже как источник дохода,—есть громадное дело. К нам тянутся сейчас немецкие, итальянские, американские лапы, которые предлагают за дешевую цену уступить им право кинематографического дела в России. Конечно, мы их сможем привлечь только, как пайщиков под нашим руководством. В общем вы знаете, т.т., что сейчас наблюдаются частенько постановки отвратительных картин вследствие того, что нет ни центрального цензурного управления, ни административного ведения этим делом,—нет внимания к нему как на местах, так и в центре. И теперь, когда вы здесь скажете, что кинематографическое дело это—определенно важная работа, тогда мы и в центре, и на местах начнем брать дело в свои руки, привлекать в смешанные общества частный и иностранный капитал, оставив за собой коммерческое, техническое, научное и политическое руководство.

Я совершенно убежден, что к следующему с'езду мы уже сможем показать вам в этом отношении довольно значительные результаты.

Что касается остальных вопросов искусства, то мы вынуждены были указать, что, несмотря на важность, которую мы придаем этому делу, мы должны ставить вопросы искусства на совсем отдаленный план, по сравнению с задачами школы.

Мы вынуждены были произвести такую урезку, которая больной организм должна была бы убить. Мы попросту отняли у наших театров почти всю субсидию целиком. Но предприятия в корне здоровы. К сожалению, мы не имеем возможности революционизировать театр, ибо мы писать не умеем, а другие нам не пишут. Однако, театр настолько здоровое дело, что оно не попятнулось от этих урезок и будет продолжать существовать. Никому не придет в голову, чтобы мы из демонстрации или из нежелания иметь роскошь убили эти организмы, но помогать им мы не можем. Нужно, чтобы некоторое время в коммерческом отношении они просуществовали на своих собственных ногах, ибо страна наша слишком бедна. Из этого не следует, что с течением времени мы не придем на помощь искусству и не постараемся добиться еще больших результатов, чем те, которые наметились в первую революционную эпоху. Что касается агитационного искусства, то мы совсем выпустили его из рук, а между тем наш плакат приобрел всемирную известность, наша плакатная пропаганда, агитация путем передвижных театров, сыграла большую роль в деле просвещения армии. Мы хотим в главполитпросвете восстановить орган, ведающий агитационным искусством. Затем, вместе с ВСНХ, мы должны обратить внимание на нашу художественную промышленность. Сюда должно быть направлено и внимание внешторга. Мы на-днях открываем в Москве первую художественно-промышленную выставку и, если удастся, мы пошлем ее туда, куда нас зовут—на всемирную выставку в Монцу, около Милана, в Италии. Мы убеждены, что она будет иметь успех и откроет в области сбыта широкий путь. Этим заняться нужно. Вообще наши вылазки за границу увенчались успехом. Художественная выставка в Берлине прошла с успехом. Французы, которые, как вы знаете, очень недружелюбно относились к нам, вынуждены были, под давлением общественного мнения, пустить эту выставку в Париж. Выставка госиздата во Флоренции имела успех. Затем,—это еще непроверенные сведения,—я читал в газетах, что выставка повременной печати в Праге тоже обратила всеобщее внимание. Вообще за границей о нас существует такое представление, что у нас голые люди бегают по голой земле. Так как на самом деле мы имеем много весьма серьезных культурных завоеваний,—не говоря уже о том, что мы многое сохранили,—то, когда иностранцы приезжают и видят музеи неразграбленные, а, наоборот, выросшие и приведенные в небывалый порядок,—музеи, которые можно сравнить с лучшими музеями Европы, и театры, которые, по признаниям недавно приезжавшего знатока музея Фрида, стоят выше, чем театры других стран, и издательства, стоящие на значительной высоте, когда они узнают, что наша наука, несмотря на бедность, тем не менее, делает громадные открытия, как, например, открытие Рождественского относительно строения атомалития и затем открытие Мара относительно группы яфетидских языков, то все это приводит их в удивление, и все то злопыхательство, которое велось против нас эмигрантами, обрушивается на них. Чем чернее малевали они нас, тем более Европа изумляется тому, что у нас есть. Теперь, товарищи, я коснусь госиздательства. Я очень кратко остановлюсь на нем. Госиздат долгое время был у нас слабым местом. Государственное издевательство—называли его. Теперь это один из самых больших издательских домов мира, может-быть, самый большой. Последние месяцы он выпускает полторы тысячи печатных листов. Некоторые выпуски доходят до 30 тыс. экз. Госиздату, конечно, многое можно поставить в вину, напр., что он выпустил отвратительный календарь,—у меня была история по этому поводу с Шмидтом,—что некоторые учебники не на высоте, потому что педагоги не успевают все просмотреть. Часто приходится издавать старое. Это все есть.

Пятен на нашем госиздатском солнце еще очень много, но, тем не менее, он издает много, технически хорошо, и многое издает чрезвычайно удачно, много издает важного. Например, оказывается, что такие серьезнейшие сочинения, как полное собрание сочинений Маркса, как полное собрание сочинений Ленина, расходятся в таком количестве, в

каком выпущены, а такие издания, как «Азбука Коммунизма» Бухарина и Преображенского, несмотря на то, что издаются и на местах, расхватываются буквально, как свежий хлеб. Их приходится печатать все вновь и вновь. Страна, которая вообще жадно пьет всякое знание, как целое гнездо птенцов в 150 миллионов птичьих ртов, жадно и бросается на всякое знание, особенно марксистское знание. Вот почему молодежь, которую нам посылают, это—наша молодежь, вот почему и книга, которую покупают, главным образом, это—наша книга, и потому мы неудачи на этом идеологическом фронте не боимся. Мы просим вас, т.т., в этот первый раз, когда съезд советов интересуется делом народного просвещения, сказать властно и решительно, что фронт по просвещению отныне—первый. Мы не хотим этим сказать, что нужно забыть крупную индустрию для просвещения, где уж там! Вы, конечно, хорошо знаете, что никогда мы у крупной индустрии ни руки ни ноги не откусим. Но мы должны сказать это, чтобы люди, которые на нем работают и изнемогают, перестали быть в таком положении, ни от одного учителя, до школьного сторожа. Ибо естественно, что у людей, у которых нет рессурсов, дело идет скверно и ругать их может всякий. Ведь еще Гоголь сказал, что трудно служить по ученой части, потому что каждый вмешивается, желая показать свою образованность (аплодисменты). Мы не просим у съезда ни одной конкретной цифры. Мы говорим: скажите Совету Народных Комиссаров, чтобы он изыскал средства несколько повысить наш центральный бюджет, скажите на местах, чтобы старались дать, сколько могут, и выполнили бы свои обязательства. Скажите рядом с этим, что учитель не парий, а герой, ибо это—тот человек который остался в нетопленной школе и голодал. И таких у нас двести тысяч человек. И скажите всем нам, что в единственной подлинно-демократической стране, где действительный демос-народ является властью, о народном просвещении думают и решили прийти ему на помощь.

В чем трагичность нашего положения? Мы знаем, куда итти и как итти. В отдельных случаях мы создаем такую школу, что она приводит в изумление. Недавно бывший у меня буржуазный педагог, приезжавший сюда от информационного национального американского бюро, сказал: конечно, есть у вас школы никуда негодные, но я должен сознаться, что у вас есть также школы, которые лучше, чем школы где бы то ни было в мире. Когда мы это слышим, то чувствуется бесконечная скорбь о том, что нам никак нельзя это наладить, что нет средств, нет рессурсов, нет почвы, на которой можно было бы построить это дело, а рядом слышишь более или менее враждебную критику. Когда-то Чернышевский, когда ему говорили: смотрите, ваша община никакого социализма не принесет, сказал: когда я говорю, что рыба вообще может плавать, а вы, чтобы меня опровергнуть возьмете и положите ее на письменный стол и скажете, что она не плавает, это ничего не доказывает. То же и с нашей единой трудовой школой и с НКПросом. Он положен волею разрухи на письменный стол, как рыба открывает рот, глотает воздух и околевает. (Аплодисменты). При этом к этой рыбе подходят более или менее недоброжелательные критики, ныряют ее пальцем под бок, берут ее под жабры и говорят: смотрите, не плавает. Повернуть ее на другой бок, что ли?

Не нужно нам рецептов, т.т., мы знаем, что нам делать и как делать. Надо школу подкормить и надо подкормить ее не завтра, а сегодня. Это наши требования, которые мы в форме резолюции вам предъявляем и говорим: помогите нам, и они должны быть во что бы то ни стало полностью вами поддержаны. Сейчас сотни тысяч школьных работников и огромная масса детей и вся старшая детвора, заинтересованные в деле школьного преподавания, все они прислушиваются к тому, что происходит в этом зале. Будет ли дальше агония или начнется выздоровление? Не в вашей власти сразу прекратить наши страдания, не в вашей власти сразу русскую школу поставить на ноги, но в вашей власти агонию прекратить и выздоровление школы начать. Об этом мы вас и просим (продолжительные аплодисменты.)

Объявляется перерыв.